

УДК 930.1 (477)

doi 10.17072/2219-3111-2020-3-27-41

НАРРАТИВИЗАЦИЯ УКРАИНСКОГО ПРОШЛОГО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ВОЗМОЖНО ЛИ ПРЕОДОЛЕНИЕ?

О. И. Журба, Т. Ф. Литвинова

Днепровский национальный университет им. Олеса Гончара, 49010, Украина, Днепр, пр. Гагарина, 72
zhurba.oi@i.ua
litvinova.tf@i.ua

Анализируются основные стратегии конструирования каркаса украинского национального исторического и историографического нарративов в конце XIX – начале XX в. Показаны общественно-политические и познавательные предпосылки национализации украинской истории и историописания. Раскрыта решающая роль в формировании украинского проекта домодерной малороссийской нации, сложившейся к середине XVIII в. Выявлены основные механизмы процесса: малороссийская историографическая экспансия, консолидация и этнизация региональных историй метрополий, выстраивание линейных, телеологических конструкций, антропологизация этнической общности. Особое внимание обращено на технологии формирования образов соседей как врагов-конкурентов. Продемонстрированы способы реализации базовых принципов конструирования национального нарратива в практиках историописания. Представлены три конкурирующие стратегии создания большой украинской национальной истории, заложенные в текстах первых популярных украинских национальных историй М.С. Грушевского, А.Я. Ефименко и Н.Н. Аркаса которые оказали решающее воздействие на современную историографию. Определены подходы к проблеме модернизации традиционного национального нарратива, выявившиеся в ходе дискуссии 2012–2014 гг., которая репрезентативно представляет состояние цеха украинских историков: 1) деконструкция национального нарратива, отказ от «тирании» территориальности и освоение двойной исследовательской оптики (региональная история и вписывание национальной истории в контексты больших культурных общностей); 2) декоративное обновление национального нарратива путем реализации мультикультурного подхода; 3) срединная позиция «плюралистического равнодушия». Отмечено, что современная общественно-политическая ситуация сформировала повышенный запрос на модернизацию этнонационального нарратива, что усложняет процесс освоения украинской историографией опыта современного историописания и интеграцию в историографическое пространство начала XXI в.

Ключевые слова: украинская историография, региональное историописание, национальный исторический нарратив, М.С. Грушевский, Н.Н. Аркас, А.Я. Ефименко, историографическая дискуссия.

В общественном движении второй половины XIX – начала XX в. заметное место занимали историки. Их выход из кабинетов на публичную сцену, активное участие в формировании конкурентных исторических культур и национальный памяти становится предметом оживленных дискуссий [Рюзен, 2010; Историческая культура..., 2012; Журба, 2016].

Создаваемый с конца XIX в. украинский проект также во многом явился результатом усилий историков, среди которых особое место занимали лидеры национального движения М.С. Грушевский и Д.И. Дорошенко. Они выступили творцами коллективной биографии единого украинского народа [Михальченко, 2001; Плохий, 2011] и его исторического знания [Ульяновська, 1993; Осташко, 2004] на основе национализации региональной истории и историографии [Журба, 2011, 2013].

Истории украинской исторической науки и по сей день опираются на их конструкции [Грушевский, 1914; Дорошенко, 1923] и представляют её развитие как целостный, непрерывный, линейный процесс [Кравченко, 1996; Колесник, 2000; Калакура, 2012]. Системообразующим стержнем этих построений стала эмансипация украинской истории и историографии от «метропольных» представлений о «нашей» истории, исключение украинского прошлого из

контекстов русской, польской и других историй и, наоборот, представление украинской истории и историографии как самодостаточных явлений, органическое развитие которых тормозилось извне. Такое понимание предмета, а также наличие в культурной традиции Польши, России, Германии толстых томов национальных историй стимулировали запоздалый старт украинского национального нарративов.

Эта традиция закрепились в советском и постсоветском историописании [Касьянов, Толочко, 2012, с. 17]. Её яркой визуализацией стали современные атласы, где пространство украинских территорий нередко представлено без политических образований, в состав которых они входили. Несмотря на высказываемые по этому поводу критические замечания, в настройке исследовательской оптики до сих пор доминирует образ «глобуса Украины», который конкурирует с методологическими близнецами – «глобусами» России и Польши [Литвинова, 2013].

Такие подходы откровенно геттизируют представления о прошлом, а украинская история приобретает эксклюзивный характер. Это касается и историографии, которую интересуют преимущественно украинские историки, пишущие об Украине и для украинцев. Причем культивируется страдательный образ украинского историка имперского времени [Верменич, 1997, с. 4; Ващенко, 1999, с. 8, 73].

Генезис украинской национальной общественной мысли связывают, как правило, с древнерусской традицией. Между тем она начинала формироваться с середины XIX в. в текстах кирилло-мефодиевцев, с оформления образа современной нации, критериев её выделения и пространственных очертаний. На профессиональном уровне проблемы украинской истории стали разрабатываться только со второй половины XIX в. прежде всего как проблемы региональной истории империй.

Справедливо считается, что лавры создания каркаса украинской истории принадлежат М.С. Грушевскому [Грушевский, 1904]. Его обоснование в многотомной «Истории Украины-Руси» выполняло важную миссию легитимации проекта современной нации. Однако элитарный, узкопрофессиональный характер работы, ее объем, особенности стиля и языка существенно сузили круг читателей, а значит, и влияние на формирование массовых представлений. В этом случае более важным оказался сам историографический факт, чем его содержательное наполнение.

Главную же роль в конструировании образа украинской национальной истории и в его восприятии в массовом сознании сыграли популярные исторические нарративы, которые массовыми тиражами издавались в начале XX в. в Петербурге [Грушевский, 1904; Ефименко, 1906; Аркас, 1908].

Как известно, во второй половине XVIII в. Россия и Австрия объединили настолько разные регионы, что весь XIX в. пошел не только на их интеграцию в имперские структуры, но и на взаимное ознакомление, межрегиональное взаимодействие, на конструирование из разрозненных исторических памятей базовых элементов представлений об общем прошлом, настоящем и будущем. О том, насколько хрупкими оказались результаты свидетельствует и то, что и в начале XXI в. региональные особенности порождают острые проблемы.

Исторические представления об общей истории и сегодня сегментированы как методологическими различиями, так и идеологической, политической, региональной спецификой. Поэтому вряд ли можно говорить о консенсусе относительно нарративизации истории Украины. И сейчас имеем не единственную, а несколько конкурирующих национальных памятей и соответствующих нарративов [Касьянов, 2018].

Адекватному пониманию процесса не способствует также некритическое восприятие постколониального подхода. Комплекс неполноценности, униженности как неотъемлемый компонент национализации появился лишь с середины XIX в. в качестве инструмента легитимации претензий на эксклюзивность. Народнические эмансипаторские устремления привели к конструированию образов гипертрофированных народных страданий, которые оформились в теориях безгосударственной, безэлитной, исключительно мужичьей нации и ее особенного исторического пути. На пьедестале национальной мифологии главного исторического героя предшествующего периода, воинственного казака, отеснял глубоко несчастный гречкосей.

Предпосылки национализации представлений о «своей» истории начинают формироваться в 1810–1830-е гг., когда высшие ступени в иерархии самосознания робко стала занимать эт-

ническая идентичность, осторожно конкурируя, соединяясь и переплетаясь с региональным, административно-территориальным и государственным патриотизмом.

Абсолютным лидером таких сдвигов на украинской почве стала Левобережная Украина/Малороссия¹, обладавшая самой этнически гомогенной социальной элитой. Только в этом регионе до середины XVIII в. сложилась полноценная домодерная нация², политическая, социально-экономическая и духовно-культурная самодостаточность которой легитимизовалась в том числе историографическими средствами [Журба, 2004]. Бурное прошлое этой нации вызывало к жизни образы и тексты, закрепленные в рамках мощной историко-литературной традиции [Бовгиря, 2010; Дзира, 2006].

Уже к середине XIX в. ключевые исторические регионы смогли отлить свою историческую память в форму текстов. Малорусская история была представлена трудами Д.Н. Бантыша-Каменского и Н.А. Маркевича, новороссийская – архиепископа Гавриила и А.А. Скальковского, галицкая – Д.И. Зубрицкого. Прошлое Слободской Украины попытался синтезировать И.И. Квитка, история Волыни была составлена Н.И. Петровым. История Закарпатья вписывалась прежде всего в региональное прошлое Венгрии. Все эти работы были вызваны к жизни как состоянием профессиональной разработки местной истории, так и значимыми общественными запросами. Большинство этих текстов стало заметным явлением общественной мысли, оказывало влияние на формирование региональных идентичностей.

Однако именно малороссийская элита определяла языковой стандарт, общественную и культурную проблематику, конструировала историческую память, которая активно «навязывалась» другим регионам. Этот процесс был определен как малороссийская историографическая экспансия, или же «малорусификация» [Журба, 2011, 2015; Толочко, 2012]. Конечно, она породила и взаимодействие региональных культур, в том числе их исторических представлений.

С начала процесса национализации малороссийский способ осмысления и представления «своей» этнонациональной истории претендовал на расширение собственных границ, разрушая представления о пределах традиционной гетманской Малороссии. Причем в тех регионах, где преобладала польская элита, малороссийская экспансия шла рука об руку с усилиями власти. Ярким примером этого явилась Киевская археографическая комиссия, в составе которой доминировали представители малороссийской интеллектуальной элиты [Журба, 1993]. Свообразными путями малороссийские исторические представления перерабатывались галицкими русинами, усилиями которых прошлое Гетманщины и Запорожья постепенно становились частью «своей» истории [Куций, 2006]. Якорем, которым к общей этнической истории прикреплялось Северное Причерноморье, признавалось прошлое запорожских казаков. А история Слобожанщины удерживалась в этой орбите еще живой памятью о близком родстве и тесном хозяйственном взаимодействии регионов.

Активными игроками в процессе национализации оказались польский и русский национализмы, в борьбе между которыми использовались базовые элементы исторической памяти «наших» регионов. Историческая легитимация империи на основании «православия, самодержавия, народности» становилась опорой для поиска новой, этнической, самоидентификации малороссийства, а «украинизация» кресов в польской литературе 1830–1850-х гг. вызвала генезис хлопоманских настроений среди части польской молодежи. Проще говоря, догоняя интеллектуальный мейнстрим, малороссийская элита вынуждена была включаться в поиски новой этнической легитимации своей самобытности.

Одним из наиболее эффективных механизмов решения этой задачи стало создание каркаса национального нарратива как результата редукции региональных исторических памятей к единому историческому процессу гомогенного этнического массива. И, хотя конструирования малороссийского этнического нарратива так и не произошло, возникновение представлений о малороссийском народе от Карпат до Кубани создало условия для «украинизации» малороссийской истории. М.С. Грушевский и его последователи путем простой замены исторических «Малороссии» и «малороссиян» на идейно желанных «Украину» и «украинцев», игнорируя способы региональной самоидентификации, превратили «прежних изыскателей малорусской старины» второй половины XVIII – начала XIX в. (Г. и В. Полетик, О. и Я. Марковичей, А. Мартоса, В. Ломиковского, Ф. Туманского, А. Чепу), а также М.А. Максимовича, Д.И. Зубрицкого, А.М. Лазаревского и многих других в деятели украинской науки, образова-

ния, культуры. Технологии национализации региональной истории последователями М.С. Грушевского продемонстрировал В.В. Ададунов [Ададунов, 2005]. Историографическая инерция позволяет и современным историкам игнорировать особенности домодерной малороссийской идентичности и представлять её как этап «украинского национального возрождения» [Плохий, 2013в, с. 387].

Задачи конструирования украинского взгляда на прошлое решали тексты, принадлежащие перу М.С. Грушевского, А.Я. Ефименко и Н.Н. Аркаса. В начале 1990-х гг. все они были включены в академическую серию «Памятники украинской исторической мысли» [Грушевский, 1991; Ефименко, 1990; Аркас, 1990] (далее ссылки на эти издания. – О.Ж., Т.Л.). Ориентированные на широкую аудиторию, эти книжки были, тем не менее, адресованы разным потребителям. Работы М.С. Грушевского и А.Я. Ефименко создавались для подготовленного читателя, а отставной офицер Н.Н. Аркас ориентировался на широкую малообразованную публику. Это повлияло на способы изложения, стиль, художественные приемы и характер аргументации. Авторы объединяло стремление представить биографию народа как целостный, непрерывный процесс, берущий свое начало в глубине веков.

Важным приемом реализации такой стратегии стало признание факта «вечного» существования украинского народа, а также дистанцирование от «не нашего» прошлого и формирование национальной истории путем выстраивания представлений о соседях и характере взаимоотношений с ними.

Первым в этом ряду был «Очерк истории украинского народа» М.С. Грушевского 1904 г. О его востребованности свидетельствуют переиздания 1906, 1911, 1913, 1990 гг. В 1911 г. вышел украиноязычный вариант очерка под названием «Ілюстрована історія України», который воспроизводился в 1912, 1913, 1990, 2016 и 2019 гг.

Концептуально определяя содержание истории Украины под властью Польши и России в XVI–XVIII вв., историк представлял ее как «историю борьбы народа с ненавистным общественным и экономическим строем, которая стремится к свержению его и реформе общественных отношений согласно народным идеалам общественной справедливости». Умеренно используя приемы беллетризации, автор в целом оставался в рамках профессиональной лексики, минимизируя гиперболизацию и эмоциональную окраску текста.

Вместе с тем М.С. Грушевский не скрывал идеологической направленности работы. Он настойчиво формировал представление об украинцах как жертве соседей, регулярно нарушавших органичность их жизни. Так, притязания на инкорпорацию Волыни, выдвинутые польской стороной во время Люблинского сейма, названы планами «насильственного осуществления вековых стремлений польской политики», а её последствия – польским «захватом» [с. 116]. В определении причин войны Б. Хмельницкого историк солидаризировался с казацким летописцем конца XVII в. и сводил их к тотальному ухудшению положения народа под польским гнетом [с. 178].

В отличие от поляков Россия представлена менее жестко, и не столько как агрессивная сила, сколько как игрок, неосторожно вовлеченный в конфликт самими повстанцами. В целом же, усиливая сочувствие к народу-жертве, историк подчеркивал: «Со всех сторон жадно сторожили соседи-враги, пользуясь всяким расхождением, всяким затруднительным положением..., чтобы раздуть смуту и использовать её для себя» [с. 203].

Итак, М.С. Грушевский, сохраняя профессорскую респектабельность, представлял украинское прошлое как сложное переплетение политико-правовых, социально-экономических и духовно-культурных процессов, как столкновение традиционного образа жизни и внешних факторов, рассматриваемых в контексте национального противостояния.

Другой тон, стиль и подходы присущи А.Я. Ефименко. Впервые её «История...» была напечатана в 1906 г. По наблюдениям А. Капеллера, рукопись была готова еще в 1899 г., то есть за шесть лет до работы М.С. Грушевского [Капеллер, 2010]. Текст переиздан в Киеве в 1990 г., сокращенный вариант публиковался в Санкт-Петербурге в 1907 г., а в Москве – в 2013 и 2016 гг. Как видим, и здесь долгая и стабильная популярность.

Несмотря на то что история украинского народа показана как самостоятельный процесс, она представлена в традициях костомаровской теории двух русских народностей: «Русская история как наука должна состоять из двух самостоятельных и параллельных частей: из истории

Северо-Восточной, или Московской Руси, и из истории Руси Южной и Западной, или Литовско-Польской» [с. 6]. Актуальность освоения украинской и белорусской историй была поставлена в сравнительный контекст истории Европы [с. 7]. Именно изучение Литовско-Польской Руси, по мнению А.Я. Ефименко, должно подвергать сомнению взгляд на общероссийскую историю как уникальную, резко противопоставленную истории остальной Европы. Такой подход определил и взгляд на соседей, взаимоотношения с которыми воспринимались как нормальные, заслуживающие спокойного, академического изучения. Эти исходные позиции позволили наметить своеобразный стиль и характерные оценки.

Одной из важных черт подходов А.Я. Ефименко стало пристальное внимание к социально-экономическим проблемам, признание их приоритета в конструировании нарративных стратегий. Кроме того, она отказалась от рассмотрения «украинского народа» как монолитного, гомогенного образования, настойчиво подчеркивая, что при всей этнической общности Южная Русь «...представлялась далеко не однородной в иных отношениях» [с. 160]. А.Я. Ефименко выделяла линии социального, хозяйственного, общественно-политического, регионального, религиозного размежевания «южноруссов», пытаясь понять и передать всю их сложность и взаимозависимость. По сути, она поставила, актуальный и сегодня вопрос о внутреннем соседстве, о взаимодействии, противоречиях и конфликтах в «украинском мире».

Авторская позиция определила и приемы описания. Так, в Люблинской унии историк не был склонен видеть исключительно негативные последствия. Уния, по её мнению, привела к консолидации Южной Руси, которая «впервые выступает в качестве исторического деятеля» [с. 160]. Вместе с тем разрушение «искусственных перегородок» между украинскими землями усилило влияние Польши, «вторгшееся теперь в Южную Русь и стремившееся охватить жизнь ее со всех сторон» [с. 173]. Но, как отмечала А.Я. Ефименко, почва для такого усиления была подготовлена самим внутренним развитием общества.

Особенно подчеркивалось значение этого давления на духовную жизнь: «Раскрыв настежь ворота влиянию Польши вообще, Люблинская уния раскрыла их вместе с тем и тому острому ветру религиозного свободомыслия, который дул с Запада...» [с. 173]. А в связи с этим «сама по себе мысль религиозной унии... представлялась довольно естественной» [с. 180].

Словно избегая дихотомии простых ответов на сложные вопросы, А.Я. Ефименко, хотя и констатировала «факт необычайной быстроты культурно-хозяйственного подъема Украины» под польским влиянием, все же отмечала, что «сама напряженная быстрота этого подъема как бы намекает на его нездоровый, искусственный характер» [с. 192].

Дискутируя по поводу причин казацких восстаний, она иначе подошла к проблеме социального угнетения: «Вопрос шел не о притеснениях – о притеснениях со стороны пана пока не могло быть и речи, – вопрос шел о праве, которое различно понималось сторонами» [с. 192]. Исторический процесс во второй половине XVI – первой половине XVII в. представлялся как сложное глобальное взаимопроникновения польского и украинского культурного опыта. Признавая неравенство сторон в этом обмене, А.Я. Ефименко все же воздерживалась от инвектив в сторону Польши, возлагая и на другую сторону долю ответственности за кровавую войну.

Отказ от эмоциональных оценок тем более характерен для восприятия Московского государства, опирающегося на понимание правовых и общественно-политических реалий его функционирования. Несмотря на глубокие разногласия сторон во время Переяславской рады, ее решения оценены как «великий акт соединения двух русских народностей со всеми его громадными последствиями для обеих соединившихся частей» [с. 249].

Угасание Гетманщины показано не как катастрофа, результат коварных замыслов внешних сил, а как естественный процесс модернизации архаичной политико-правовой системы. Важно отметить, что история не сводилась к прошлому казацких автономий, а представлялась во всем многообразии региональных и социальных особенностей.

В целом работе А.Я. Ефименко присущ отказ от обвинительного или адвокатского пафоса, попыток инструментализировать прошлое. Автор попытался приблизить публику к пониманию эпохи и её социально-культурной обусловленности.

Оригинальная интерпретация «длинной истории» была предложена Н.Н. Аркасом. Уникальность его судьбы заключалась в том, что, не будучи историком, он абсолютно адекватно относился к своему труду, рассчитывая на внимание самых широких масс. Такая стратегия

обеспечила Н.Н. Аркасу безусловное первенство в борьбе за читательский спрос. Вот что в декабре 1908 г. писал библиотекарь одесского украинского общества «Просвита»: «Когда я пересмотрел книгу, то увидел, что автором сделано все, чтобы содержание книги легко, быстро и надолго западало в голову читателя... Можно думать, что "История" будет полезной... для каждого украинца. Потому что сейчас мы такой истории не имеем. Возьмите Грушевского – большую, в пяти томах – к ней бояться подходить. "Очерк истории украинского народа" мог бы сыграть некоторую роль, но написано тяжело и отбивает охоту к чтению... С "Историей" Ефименко – еще хуже» [Сарбей, 1900 б, с. 22].

Историк В.А. Беднов свидетельствовал о том, как быстро распространялась книга Н.Н. Аркаса среди рабочих и крестьян Екатеринославщины, как она производила «везде чрезвычайно большое впечатление на своих читателей», пробуждая национальное сознание. Более того, в такой ситуации научный характер исторических трудов признавался вообще излишним, так как «не научность захватывает гражданство, а нечто другое, противоположное» [Беднов, 1920, с. 44].

Киевский книготорговец В. Степаненко летом 1908 г. информировал Н.Н. Аркаса: «Радую Ваше сердце, что продали Ваши истории. Забирают ее на Украину, в Московию, в Галичину, Америку, даже и Швейцарию – хорошо идет, аж дух радуется. Сегодня отправлено в Америку 50 штук в переплетах» [Сарбей, 1900 а, с. 100–113].

Такому громкому успеху способствовали не только полная свобода от академических конвенций, но и в значительной степени беллетризованный стиль, популистские приемы, дихотомия в представлении социальных и национальных противоречий. Свидетельством успеха Н.Н. Аркаса стала резкая, даже болезненная, реакция М.С. Грушевского.

В аркасовой истории соседям была отведена роль откровенно враждебных сил, образ которых призван поляризовать прошлое, в котором «нашей правде» противостояла «их ложь». Взаимодействие украинцев с поляками, турками, татарами, евреями, русскими представлялось почти всегда как конфликт, вражда, несправедливость по отношению к «нам».

Об уровне аргументации можно судить по описанию Украины перед восстанием Б. Хмельницкого: «Теперь же шляхта добилась всего того, о чем раньше только мечтала: завладела всеми землями в крае, а кроме того казаков превратила почти что всех в крепостных. За те десять лет почти вся шляхта украинская ополчилась и вместе с чисто-польской шляхтой весь народ превратила в крепостных... Тем временем на Украине все больше становилось ляхов и жидов, ксендзов, костелов и кляшторов (монастырей) католических. Польская шляхта без меры начала теснить народ православный: целые села поотдавала в аренду жидам, детей казацких в котлах варили, женщинам вырезали груди, засыпали мужчинам порох за пазуху и поджигали» [Аркас, 1990, с. 160–161].

Эксплуатируя исторические стереотипы, сложившиеся в массовом восприятии, нанизывая их на схему М.С. Грушевского, Н.Н. Аркас создал боевой пропагандистский текст. Как представляется, он заложил традицию одного из самых устойчивых и популярных направлений в репрезентации украинской истории. Она оказалась весьма востребованной и в цехе профессиональных историков, относящихся к своему ремеслу как к идеологическому оружию.

Одновременное появление в начале XX в. первых украинских популярных нарративов означало осознание значения публичной истории для формирования общественного мнения, конструирования исторической памяти, включение такого рода деятельности в арсенал исторической политики. Это знаменовало движение профессионального и любительского историописания навстречу друг другу и духовным запросам массовой аудитории, стремительно растущим благодаря широкой грамотности и активному вовлечению масс в общественные процессы. Рассмотренные тексты, несмотря на их архаичность, и сегодня продолжают играть важную роль в формировании каркаса исторической культуры украинского общества, в определении стратегий репрезентации и восприятия национального прошлого.

Использование предложенной А. Мегиллом типологии историописания [Мегилл, 2007, с. 97–99] позволяет заметить, что тексты М.С. Грушевского и Н.Н. Аркаса соответствуют ее аффирмативным и дидактическим сегментам, которые ориентируют историографию на создание проектов, волнующих современное общество, конструирующих желаемую историческую память.

Особое место в ряду популярных национальных нарративов занимает работа А.Я. Ефименко, приближенная к аналитической историографии. Пытаясь разобраться в сложностях и противоречиях исторического процесса, она представляла соседей как равноправных акторов, имеющих собственную логику, мотивацию и алгоритмы действий. История украинского народа для нее – не череда страданий, а сложный процесс культурного освоения огромной территории, в котором соседним народам отведена важная роль.

А.Я. Ефименко, как нам кажется, старалась не угождать публике, а учить её рассуждать, не предлагала готовые ответы, а ставила сложные вопросы, не закрывала, а открывала новые горизонты познания украинской истории. К сожалению, такая позиция оказалась мало востребованной³. Книга А.Я. Ефименко прошла почти незамеченной в потоке работ в области аффирмативной и дидактической историографии, на каждом драматическом витке истории озабоченной поисками новых соседей-врагов. Предложенный ею подход оказался чуждым идеологизированному мейнстриму украинской историографии XX – начала XXI в., в рамках которого отечественная история не могла стать предметом нормального научного рассмотрения.

И сегодня конструирование украинского национального нарратива осознается как один из важнейших общественных и научных вызовов, стоящих перед историками. Именно поэтому на страницах главного исторического журнала страны развернулась небывалая для современной украинской историографии дискуссия. Она заслуживает отдельного рассмотрения как достаточно репрезентативное явление для понимания состояния и путей развития украинской историографической культуры. Полемику открыл директор Института истории Украины [Смолий, 2012, с. 4–5], призвав высказаться по поводу проекта создания новой многотомной «Истории Украины». С этого времени каждый выпуск журнала (6 раз в год) вплоть до второго номера за 2014 г. открывался большой статьей на означенную тематику. В полемике приняли участие киевские, львовские и зарубежные ученые. Институт истории представляли академик В.А. Смолий, член-корреспондент А.П. Толочко, доктора наук Г.В. Касьянов, Я.В. Верменич, С.В. Виднянский, А.Ю. Мартинов, кандидаты наук А.В. Ясь и О.Н. Горенко. Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского «делегировал» доктора наук В.А. Потульницкого, а Институт политических и этнонациональных исследований – доктора наук О.М. Майбороду. От Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова выступал кандидат наук К.Ю. Галушко, а от львовских историков – профессор Украинского католического университета В.В. Адагуров. Дискуссия вызвала живой отклик профессора Гарвардского университета С.Н. Плохия и профессора Торонтского университета П.Р. Магочия.

На каких бы позициях не стояли диспутанты, для всех чрезвычайно значимым оказался сам факт призыва к конструированию нового национального нарратива. Симптоматично, что дискуссия пришлась на переломное для судьбы современной Украины время. Нечто подобное можно было наблюдать в конце XVIII – начале XIX в., когда создание новой отечественной истории, преодолевающей ограниченность бароккового казацкого историописания, осознавалось одной из важнейших национальных задач малороссийской элиты, а также на рубеже XIX и XX вв., когда в первых украинских популярных историях региональное прошлое инкорпорировалось в картину жизни многовековой нации.

Тон дискуссии задавала статья А.П. Толочко и Г.В. Касьянова, вокруг ключевых положений которой и развернулось обсуждение. Как отмечали авторы, их текст был адаптированной версией аналитической записки, подготовленной для рабочей группы Института истории, созданной в 2010 г. с целью разработки концепции многотомной «Истории Украины». В статье кратко представлены генезис национального способа описания прошлого и порожденные им методологические проблемы, механизмы конструирования и деконструкции национальных историй, предложены пути преодоления ограничений указанного способа исторического мышления в мировой историографии и возможности приложения этого опыта к отечественному материалу.

Авторы обозначили основные особенности национальных историй: телеологичность, этноцентризм и культурную эксклюзивность, радикальную реверсивность, запрограммированную неполноту знания, линейность, непрерывность и однонаправленность. Подчеркивалось, что «самый очевидный выход за рамки национального и писания истории ненациональным спосо-

бом – отбросить тиранию территориальности, т.е. географических рамок современных наций-государств, сформированных в новейшее время и проектированных на прошлую "реальность", пространственно-географическая организация которой была совсем иной». Подобная цель достигается «двумя противоположными способами – близким (т.е. сосредоточением на исторических регионах) и далеким (т.е. вписыванием национальной истории в контекст больших общностей и культурных сообществ) фокусами» [Касьянов, Толочко, 2012, с. 14].

В качестве примера были представлены разнообразные «кембриджские истории» («Кембриджская история Скандинавии», «Кембриджская история Средневековья»). Построенный по проблемно-тематическому принципу с учетом синхронной территориальной организации политических образований, этот проект утвердил в западной историографической культуре стандарт писания больших коллективных трудов.

С А.П. Толочко и Г.В. Касьяновым солидаризировались и другие участники дискуссии. В.В. Ададулов отмечал, что «интегрировать украинское прошлое во внеэтнические контексты невозможно без его выведения из "крепостных оборонных укреплений", в которые его завела линейная схема, воплощенная в синтезе М. Грушевского». По его мнению, «сегодня эта ...схема стала парадигмой отгораживания от мира, обманчивого самовнушения, самоуспокоения, которые под лозунгом сохранения этнокультурной традиции прикрывает все большее отставание исторических знаний от мирового тренда...» [Ададулов, 2013, с. 16].

В. В. Ададулов видел выход в поиске широких типологических моделей исследуемых явлений, таких мегаструктур, как готика, рококо, ...национализм, социализм, шляхетство, колонизация и т.д. Такой подход «позволит достаточно эффективно преодолевать узкие, линейные по своему характеру, вертикальные схемы, заменяя их широкими моделями горизонтального характера» [Ададулов, 2013, с. 19]. Прорывы возможны также благодаря профессионализации процедур исследования, в соответствии с которой «историку следует исходить не из схемы или концепции истории, заданной его принадлежностью к той или иной этнокультуре, а делать выводы лишь после осмысления всего многообразия источников, в том числе рожденных в недрах иных этнокультурных и государственных традиций» [Ададулов, 2013, с. 20].

С.М. Плохий не только поддержал коллег, но и критически высказался по поводу проекта многонациональной истории, активно продвигаемого П.Р. Магочем [Магочий, 2012а, 2012б] как альтернативу «большой украинской истории». В указанных работах сделана попытка представить прошлое Украины в рамках современных границ как совокупность историй населявших её этносов. С.Н. Плохий соглашался с А. Каппелером в том, что «многонациональный подход имеет те же самые слабые стороны, что и этнонациональный, так как также может впасть в примордиализм, мыслить в телеологических терминах и маргинализировать неэтнические группы и институции». Задача новой украинской историографии состояла «не в том, чтобы разнообразить национальную парадигму», а в том, чтобы «выйти за её границы». Один из сценариев прощания с национальным нарративом виделся в освоении транснационального подхода, основанного на понимании истории Украины как цивилизационного и культурного пограничья [Плохий, 2013а].

Освобождение из плена национализированного историописания с помощью методологий региональных исследований предлагала Я.В. Верменич. Она справедливо заметила, что если «на рубеже XIX – XX вв. украинская историография достаточно быстро справилась с задачей синтеза того, что представлялось "ответвлением" польской, российской, австро-венгерской и других историй, в единую историю еще не существующей модерной украинской нации», то в XXI в. «на порядок дня поставлена, в определенной мере, обратная задача – анализ национальной истории сквозь призму особенностей исторической судьбы её регионов». С точки зрения Я.В. Верменич, можно «создать целостную, но в достаточной степени привязанную к территории, локализованную историю Украины во всем её многообразии центр-периферийных и горизонтальных связей, с учетом... запутанных самоидентификаций, региональных дискурсов» [Верменич, 2013, с. 14–15].

Против отказа от традиционных подходов выступил К.Ю. Галушко. Демонстрируя широкую эрудицию, он щедро цитировал зарубежных авторитетов для того, чтобы провозгласить своеобразный манифест «украинского национального постмодернизма»: «...современность – единственная материальная реальность нашего существования. Другой у нас нет». А поэтому,

находясь исключительно в этой реальности, «...мы обречены на взгляд в прошлое сквозь оптику современности. Каким бы ни был этот взгляд, он все равно исходит из системы пространственно-временных координат, в которых мы существуем сегодня и которые сформировали нашу "ментальную карту" и которые мы экстраполируем в прошлое» [Галушко, 2013, с. 16]. Признавая все же, что «время «всеобщих теорий исторического процесса миновало», К. Ю. Галушко настаивал на том, что и в начале XXI в. «все дальнейшие интеллектуальные инновации происходят лишь в смысле реинтерпретации предыдущих концепций, которые... по-новому прочитываются» [Галушко, 2013, с. 7].

Аналогичную позицию занял и П.Р. Магочий. Он оказался единственным участником дискуссии, кто имел в своем активе опубликованную версию большой истории Украины. Его книжки были переведены на украинский язык, удостоились больших тиражей и широкой рекламы. Невозможно не заметить переключки названия одной из них с популярным нарративом М.С. Грушевского. Выступая противником деконструкции национального нарратива, предлагая лишь его декоративное обновление, П.Р. Магочий отказывал оппонентам в праве голоса на том основании, что никто из них не «издал полного синтетического труда по истории Украины» [Магочий, 2013, с. 7]. В письме горячо отстаивался научный потенциал национальных историй: «... Безусловно, современное определяет прошлое, потому что это историки, которые создают прошлое, а значит, мы все, являемся конструктивистами» [Магочий, 2013, с. 5]. По мнению канадского историка, познание ушедшей реальности с позиций профессионально организованной методологии невозможно, так как самой «прошлой реальности» уже не существует.

Наиболее прямолинейным защитником национального нарратива выступил О.М. Майборода. Будучи убежден в том, что «профессионализм отдельных историков неподвластен никаким концептуальным и методологическим прескрипциям», он обвинял коллег в покушении на размывание целостной истории Украины и утверждал, что «в линейной и территориальной историографии заложен глубокий смысл» [Майборода, 2013, с. 26].

В дискуссии обнаружили и сторонники серединной позиции, призывающие соединить традиционные подходы и новации, выработать «единую схему и методологию истории Украины» [Потульницький, 2014, с. 17–18], «учитывать, но не абсолютизировать мировые тенденции историописания», не спешить «заменять детерминизм национальной истории наднациональным редукционизмом» [Віднянський, Мартинов, 2013, с. 16].

Каковы же итоги? Проблема возможности создания современного национального нарратива оказалась очень чувствительной с точки зрения позиционирования профессионального сообщества в современном научном пространстве, выработки стратегий ответов на общественные запросы и соответствия современной историографической культуре.

Во-первых, представляется всеобщим признание кризиса этнонациональных подходов к конструированию «большой украинской истории». Во-вторых, продемонстрированы знакомство с трендами мировой исторической мысли и готовность к их инкорпорации в украинскую историографию. В-третьих, многие открыто высказались за продолжение профессиональной дискуссии и неприятие откровенно пропагандистских, заидеологизированных подходов. В-четвертых, определились несколько принципиальных позиций, исходя из которых были предложены возможные пути выхода из кризиса, что способствовало более четкому размежеванию приверженцев аналитической, дидактической и аффирмативной историографии.

Однако дискуссия исчерпала себя в начале 2014 г., как нам представляется, не только по причине наметившейся ясности позиций, но и в связи с общественно-политическими катаклизмами конца 2013 – начала 2014 г., последовавшими за ними войной, поляризацией общественных настроений и обострением отношений с Россией. В таких условиях повышенная востребованность националистического дискурса в общественном сознании, дидактике и политической практике сделала невозможным реализацию проекта новой многотомной истории Украины с учетом высказанных предложений. Более того, она во многом отбросила общее состояние украинской историографии к стандартам историописания рубежа XIX и XX вв., чем, вероятно, и объясняется новый всплеск интереса к популярным книжкам, особенно М.С. Грушевского и Н.Н. Аркаса. То, что, казалось, могло быть преодолено в ходе дискуссии 2012–2014 гг., придется преодолевать новым поколениям, повторяя пройденный путь снова и снова.

В 2019 г. под эгидой Института истории Украины в рамках проекта «Энциклопедия истории Украины» вышла вторая книга тома «Украина – украинцы» [Енциклопедія, 2019], представляющая национальную историю. Её составителями стали историки, убежденные в актуальности концепции М.С. Грушевского [Галушко и др., 2019; Віднянський, Мартинов, 2019]. По нашему мнению, это не случайно, как не случайно и неучастие в этом проекте тех, кто отстаивал неприемлемость этнонационального нарратива как способа осмысления протяженной истории Украины.

Примечания

¹ Малороссия (Гетманщина) – казачья автономия с середины XVII до 80-х гг. XVIII в. С конца XVIII в. – в первой половине XIX в. термин закрепился в названиях административных образований империи, границы которых в целом совпадали с территорией исторической Гетманщины. С начала XIX в. включала Полтавскую и Черниговскую губернии. Исторически за регионом закрепилось также название «Левобережная Украина» или «Левобережье». С середины XIX в. «Малороссия» приобретает новый, значительно более широкий смысл – регион, населенный по преимуществу малороссийским (украинским) этносом. Приобретенная неоднозначность понятия вызвала к жизни термины «бывшая Гетманщина» – для обозначения исторической территории старой Малороссии и «Украина» – для маркировки этнической территории.

² О нациях до модерна см., например: [Миллер, 2012; Касьянов, 1999]. О формировании домодерных идентичностей различных «украинских» социальных групп и территорий см., например: [Козут, 2004; Яковенко, 2012].

³ На наш взгляд, единственной удачной попыткой приблизиться к созданию аналитического, исследовательского типа «большой национальной истории», во многом ориентированной на подходы А.Я. Ефименко, стала работа Н.Н. Яковенко, известная российскому читателю под названием «Очерки истории Украины в средние века и раннее новое время» (М.: НЛО, 2012).

Библиографический список

- Ададуров В.В. Народження одного історичного міту: проблема «Наполеон і Україна» у висвітленні Ілька Борщака // Україна модерна. 2005. Вип. 9. С. 212–236.
- Ададуров В.В. Теоретичні засади та методологія вписування української історії в європейський контекст (погляд історика-всесвітника) // Український історичний журнал (далее – УІЖ). 2013. № 2. С. 4–23.
- Аркас М.М. Історія України-Русі. Київ.: Вища школа, 1990. 456 с.
- Аркас М.М. Історія України-Русі. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1908. XVI, 384 р.
- Біднов В. Що читати по історії України: (коротенька історіографія України): з викладів на учительських курсах українознавства. Катеринослав: Вид-ня Союзу спожив. товариств, 1920. 47 с.
- Бовгиря А. Козацьке історіописання в рукописній традиції XVIII ст. / Інститут історії України. Київ, 2010. 304 с.
- Верменич Я.В. Локально-регіональні рівні вітчизняного нарративу // УІЖ. 2013. № 5. С. 4–23.
- Віднянський С.В., Мартинов А.Ю. Національні історії в метанаративі процесу глобалізації: з європейського досвіду // УІЖ. 2013. № 6. С. 4–17.
- Віднянський С.В., Мартинов А.Ю. Україна і світ. Новітня доба // Енциклопедія історії України. Київ: Наук думка, 2019. Кн. 2: Україна–українці. С. 448–481.
- Галушко К.Ю. У пошуку common sense: до дискусії з приводу національного гранд-нарративу // УІЖ. 2013. № 1. С. 4–23.
- Галушко К.Ю., Головка В.В., Папакін Г.В., Синиця Є.В., Ясь О.В. Україна. Нарис історії // Енциклопедія історії України. Київ: Наук. думка, 2019. Кн. 2: Україна–українці. С. 13–447.
- Горенко О.М. Український метанаратив в епоху пропаганди // УІЖ. 2014. № 2. С. 4–21.
- Горизонтов Л. Етноісторіографіческие стереотипы: к постановке проблемы // Образ Іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації / Інститут історії України НАН. Київ, 2008. С. 6–14.
- Грушевський М.С. Звичайна схема «руської» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Статті по славяноведению. СПб.: Изд. второго отд. Импер. академии наук. 1904. Вып. 1. С. 298–304.
- Грушевський М.С. Очерк истории украинского народа. Київ: Либидь, 1991. 398 с.

- Грушевський М.С.* Очерк истории украинского народа. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1904. 382 с.
- Грушевський М.С.* Развитие украинских изучений в XIX веке и раскрытие в них основных вопросов украиноведения // Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза». 1914. С. 1–37.
- Дзира І.Я.* Козацьке літописання 30-х–80-х рр. XVIII ст.: джерелознавчий та історіографічний аспекти / Інститут історії України. Київ, 2006. 566 с.
- Дорошенко Д.І.* Нарис української історіографії. Прага: Державна друкарня, 1923. 216 с.
- Енциклопедія історії України / Інститут історії України НАН. Київ: Наук. думка, 2019. Кн. 2: Україна–українці. 841 с.
- Ефименко А.Я.* История украинского народа. Київ: Лыбидь, 1990. 511 с.
- Ефименко А.Я.* История украинского народа. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906. 389 с.
- Журба О.І.* Київська археографічна комісія. 1843–1921. Київ: Наук. думка, 1993. 186 с.
- Журба О.І.* «Историографическая экспансия» как инструмент формирования национальной историографии // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2015. № 4. С. 140–146.
- Журба О.І.* Проблемы историографического районирования в презентациях истории украинского историописания // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. М.: Б. и., 2011. С. 59–70.
- Журба О.І.* Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плену «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2013. Вып. 8. С. 124–165.
- Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2012. 551 с.
- Калакура Я.С.* Українська історіографія: Курс лекцій. Київ: Генеза, 2012. 512 с.
- Капелер А.* Самоучка, жінка, кацапка: Олександра Єфименко та Київська історична школа // Україна модерна. 2010. № 6/17. С.45–76.
- Касьянов Г.В.* Теорії нації та націоналізму. Київ: Либідь, 1999. 352 с.
- Касьянов Г.В.* Past Continuos: Исторична політика 1980-х – 2000-х: Україна та сусіди. Київ: Laurus, Антропос-Логос-Фільм, 2018. 420 с.
- Касьянов Г.В., Толочко О.П.* Національні історії та сучасна історіографія: виклики й небезпеки при написанні нової історії України // УДЖ. 2012. № 6. С. 4–24.
- Квитка И.И.* Записка о слободских полках с начала их поселения и до 1766 г. Харьков: Университет тип., 1812. 89 с.
- Когут З.* Коріння ідентичностей. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ: Критика, 2004. 351 с.
- Колесник І.І.* Українська історіографія (XVIII – початок XX ст.). Київ: Генеза, 2000. 256 с.
- Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків: Основи, 1996. 295 с.
- Куций І.П.* Українська науково-історична думка Галичини (1830–1894 рр.): рецепція національної історії. Тернопіль: Джура, 2006. 220 с.
- Литвинова Т.Ф.* «Глобус России» не должен превратиться в историографическую реальность // Российская история. 2013. № 4. С. 178–181.
- Магочій П.-Р.* Україна: історія її земель та народів. Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2012а. 794 с.
- Магочій П.-Р.* Ілюстрована історія України. Київ: Критика, 2012б. 448 с.
- Магочій П.-Р.* Конструювання чи деконструкція: як повинна виглядати «майбутня історія України»? // УДЖ. 2013. №4. С. 4–7.
- Майборода О.М.* «Національна історія» заслуговує бути більш живою, ніж мертвою // УДЖ. 2013. №1. С. 24–28.
- Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон, 2007. 480 с.
- Миллер А.И.* История понятия нация в России // «Понятия о России»: К семантике имперского периода. М.: Б. и., 2012. С. 7–49.
- Михальченко С.И.* Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 411–418.

- Осташко Т.С.* Дорошенко Дмитро Іванович (188–1951) // Енциклопедія історії України. Київ: Наук. думка, 2004. Т. 2. С. 456–455.
- Плохій С.М.* Якої історії потребує сучасна Україна? // УІЖ. 2013 а. № 3. С. 4–12.
- Плохій С.М.* Великий переділ. Незвичайна історія Михайла Грушевського. Київ: Кирика, 2011. 599 с.
- Плохій С.М.* Козацький міф. Історія та націотворення в епоху імперій. Київ: Laurus, 2013 в. 440 с.
- Потульницький В.А.* Що до дослідницьких пріоритетів у справі створення нового академічного синтезу української історії в контексті історії світової // УІЖ. 2014. № 1. С. 4–20.
- Рюзен Й.* Нові шляхи історичного мислення. Львів: Літопис, 2010. 358 с.
- Сарбей В.Г.* М.М. Аркас і його «Історія України-Русі» // УІЖ. 1990а. № 7. С. 100–113.
- Сарбей В.Г.* Микола Аркас і його «Історія «України-Русі» // Аркас М.М. Історія України-Русі. Київ: Вища школа, 1990 б. С. 3–43.
- Смолій В.А.* Лабораторія українського нарративу (вступне слово головного наукового редактора) // УІЖ. 2012. № 5. С. 4–5.
- Толочко А.П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ: Laurus, 2012. 256 с.
- Ульяновська С.В., Ульяновський В.І.* Дмитро Дорошенко // Українська культура: лекції за редакцією Дмитра Антоновича. Київ: Либідь, 1993. С. 527–553.
- Яковенко Н.М.* Дзеркала ідентичностей. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII ст. Київ: Критика, 2012. 472 с.
- Ясь О.В.* Традиції великих історичних нарративів у світлі культурних епох кінця XVIII–XX ст. // УІЖ. 2012 № 5. С. 6–38.

Дата поступлення рукопису в редакцію 25.02.2020

NARRATIVIZATION OF THE UKRAINIAN PAST IN THE LATE 19TH – EARLY 21ST CENTURY: IS OVERCOMING POSSIBLE?

O.I. Zhurba, T.F. Lytvynova

Oles Honchar Dnipro National University, Gagarin ave., 72, 49010, Dnipro, Ukraine
zhurba.oi@i.ua
litvinova.tf@i.ua

The basic strategies for constructing the framework of the Ukrainian national historical and historiographic narratives in the late 19th and early 20th centuries are analyzed in the first part of the paper. The nationalization of Ukrainian history and historical writing and the decisive role in forming the Ukrainian project of the pre-modern Little Russian nation are shown. The main mechanisms of the process are revealed, such as the historiographic expansion of the Little Russian intellectual range, the consolidation and ethnicization of regional history of the metropolises, the building of linear, teleological constructions, and the anthropologization of the ethnic community. Attention is paid to the technology of forming images of neighbors as contouring enemies. The authors demonstrate the methods for implementing the basic principles of constructing a national narrative in the practice of historical writing. Three competing strategies for creating large Ukrainian national histories that have had a decisive influence on the algorithms of modern didactic, affirmative and analytical historiography are presented. In the second part of the paper, contemporary approaches to the modernization of the traditional national narrative determined during the discussion of 2012–2014 are identified: 1) the deconstruction of national narrative, the rejection of the «tyranny» of asynchronous territoriality, and the development of dual research optics (the methodology of regional history and the integration of national history into the contexts of large cultural communities); 2) the decorative updating of the national narrative through the implementation of a multinational approach; 3) the middle position of «pluralistic indifference», consistent with the arguments of the extreme parties. It is noted that the current socio-political situation has formed an increased demand for the modernization of the ethno-national narrative of the early 20th century, which threatens to discard Ukrainian historiography to the standards of historiography at the turn of the 19th and 20th centuries.

Key words: Ukrainian historiography, regional historiography, national historical narrative, M.S. Grushevsky, N.N. Arkas, A.Ya. Efimenko, historiographic discussion.

References

- Adadurov, V.V. (2005), "The birth of one historical myth: the problem of «Napoleon and Ukraine» in the coverage of Ilko Borschak", *Ukrayina moderna*, № 9, pp. 212–236.
- Adadurov, V.V. (2013), "Theoretical foundations and methodology for incorporating Ukrainian history into the European context (view of the historian-worldly)", *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 2, pp. 4–23.
- Apanovich E.M. (1983), *Rukopisnaya svetskaya kniga XVIII v. na Ukraine. Istoricheskie sborniki* [Handwritten secular book of the 18th century in Ukraine. Historical collections], Naukova dumka, Kyiv, Ukraine, 219 p.
- Arkas, M.M. (1908), *Istoriya Ukrayiny-Rusi* [History of Ukraine-Rus], Tov-vo "Obshestvennaya polza", St. Petersburg, Russia, XVI, 384 p.
- Arkas, M.M. (1990), *Istoriya Ukrayiny-Rusi* [History of Ukraine-Rus], Vyshcha shkola, Kyiv, Ukraine, 456 p.
- Bidnov, V. (1920), *Shcho chytaty po istoriyi Ukrayiny: (koroten'ka istoriografiya Ukrayiny): z vykladiv na uchytel's'kyh kursah ukrayinoznavstva* [What to read about the history of Ukraine: (short historiography of Ukraine): from the presentations at teacher training courses in Ukrainian Studies], Vyd-nya Soyuzu spozhyv. tovarystv, Katerynoslav, Ukraine, 47 p.
- Bovgirya, A. (2010), *Kozatske istoriopisannya v rukopisniy traditsiyi XVIII st.* [Cossack historiography in the manuscript tradition of the XVIII century], W. p., Kyiv, Ukraine, 304 p.
- Dzira, I.Ya. (2006), *Kozatske litopisannya 30-h–80-h rr. XVIII st.: dzhereloznavchiy ta istoriografichniy aspekty* [Cossack chronicle of the 30s – 80s of the 18th century: source and historiographical aspects], W. p., Kyiv, Ukraine, 566 p.
- Doroshenko, D.I. (1923), *Narys ukrayins'koyi istoriografiyi* [Essay on Ukrainian historiography], State Printing Office, Prague, Czechoslovakia, 216 p.
- Efimenko, A.Ya. (1906), *Istoriya ukrainskogo naroda* [History of the Ukrainian people], Izd. Akc. obsh. «Brokgauz-Efron», St. Petersburg, Russia, 389 p.
- Efimenko, A.Ya. (1990), *Istoriya ukrainskogo naroda* [History of the Ukrainian people], Lybid', Kyiv, Ukraine, 511 p.
- Encyklopediya istorii Ukrainy. Kn.2: Ukraina–ukraintsi (2019)*, [Encyclopedia of Ukrainian History, Book. 2: Ukraine–Ukrainians], Nauk. dumka, Kyiv, Ukraine, 841 p.
- Galushko, K.Yu., Golovko, V.V., Papakin, G.V., Synytsia, Ye.V. & O.V. Yas' (2019), "Ukraine. Essay on history", in *Encyklopediya istorii Ukrainy. Kn.2: Ukraina–ukraintsi* [Encyclopedia of Ukrainian History, Book. 2: Ukraine–Ukrainians], Nauk. dumka, Kyiv, Ukraine, pp. 13–447.
- Galushko, K.Yu. (2013), "In the search for common sense: a discussion about the national grand narrative", *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 1, pp. 4–23.
- Gorenko, O.M. (2014), "The Ukrainian meta-standard in the age of propaganda", *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 2, pp. 4–21.
- Gorizontov, L. (2008), "Ethnohistoriographic stereotypes: to the statement of the problem", in *Obraz Inshogo v susidnih istoriyah: mifi, stereotipy, naukovi interpretatsiyi* [The image of the Other in neighboring stories: myths, stereotypes, scientific interpretations], NAN Ukrainy, Instytut istorii Ukrainy, Kyiv, Ukraine, pp. 6–14.
- Grushevskiy, M.S. (1904), "The usual scheme of «Russian» history and the case of a rational way of history of Eastern Slavs", in *Statyi po slavyanovedeniyu* [Articles on Slavic studies], Second branch of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, № 1, pp. 298–304.
- Grushevskiy, M.S. (1904), *Ocherk istorii ukrainskogo naroda* [Essay on the history of the Ukrainian people], Tov-vo «Obshestvennaya polza», St. Petersburg, Russia, 382 p.
- Grushevskiy, M.S. (1914), "The development of Ukrainian studies in the nineteenth century and the disclosure of the main issues of Ukrainian studies in them", in *Ukrainskiy narod v ego proshlom i nastoyashem* [Ukrainian people in their past and present], Tip. t-va "Obshestvennaya polza", St. Petersburg, Russia, pp. 1–37.
- Grushevskiy, M.S. (1991), *Ocherk istorii ukrainskogo naroda* [Essay on the history of the Ukrainian people], Lybid', Kyiv, Ukraine, 398 p.
- Istoricheskaya kultura imperatorskoy Rossii: formirovanie predstavleniy o proshlom*, (2012), [Historical culture of imperial Russia: the formation of ideas about the past], Izd. dom. Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 551 p.
- Kappeler, A. (2010), "Self-taught, female, katsapka: Oleksandra Yefimenko and Kyiv History School", *Ukrayina moderna*, № 6/17, pp. 45–76.
- Kalakura, J.S. (2012), *Ukrayinska istoriografiya: Kurs lektsiy* [Ukrainian historiography: Course of lectures], Geneza, Kyiv, Ukraine, 512 p.
- Kasyanov, G.V. (1999), *Teoriyi natsiyi ta natsionalizmu* [Theories of nation and nationalism], Lybid', Kyiv, Ukraine, 352 p.
- Kasyanov, G.V. (2018), *Past Continuous: Istorychna polityka 1980-h – 2000-h: Ukrayina ta susidy* [Past Continuous: Historical Politics of the 1980s – 2000s: Ukraine and its Neighbors], Laurus, Antropos-Logos-Film, Kyiv, Ukraine, 420 p.

- Kasyanov, G.V. & O.P. Tolochko (2012), “National histories and contemporary historiography: challenges and dangers of writing a new history of Ukraine”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 6, pp. 4–24.
- Kolesnyk, I.I. (2000), *Ukrayins'ka istoriografiya (XVIII – pochatok XX st.)* [Ukrainian historiography (XVIII – early XX century)], Geneza, Kyiv, Ukraine, 256 p.
- Kohut, Z. (2004), *Korinnya identichnostey. Studiyi z rannomodernoyi ta modernoyi istoriyi Ukrayiny* [The roots of identities. Studies in early modern and modern history of Ukraine], Krytyka, Kyiv, Ukraine, 351 p.
- Kravchenko, V.V. (1996), *Narysy z ukrayinskoyi istoriografiyi epohi nacionalnogo Vidrozhennya (druga polovyna XVIII – seredyna XIX st.)*. [Essays on Ukrainian historiography of the National Renaissance (second half of the 18th – middle of the 19th century)], Osnovy, Kharkiv, Ukraine, 295 p.
- Kutsyi, I.P. (2006), *Ukrayins'ka naukovo-istorychna dumka Galychyny (1830–1894 rr.): retseptsiya natsionalnoyi istoriyi* [Ukrainian scientific and historical thought of Galicia (1830–1894): reception of national history], Dzhura, Ternopil, Ukraine, 220 p.
- Kvitka, I.I. (1812), *Zapiska o slobodskih polkah s nachala ih poseleniya i do 1766 g.* [A note on sloboda regiments from the beginning of their settlement until 1766], Univ. tipogr., Kharkov, Russia, 89 p.
- Lytvynova, T.F. (2013), “«Globe of Russia» should not become a historiographic reality”, *Rossiyskaya istoriya*, № 4, pp. 178–181.
- Magochii, P.-R. (2012a), *Ukrayina: istoriya yiyi zemel' ta narodiv* [Ukraine: history of its lands and peoples], Vyd-vo V. Padyaka, Uzhgorod, Ukraine, 794 p.
- Magochii, P.-R. (2012b), *Ilyustrovana istoriya Ukrayiny* [The illustrated history of Ukraine], Krytyka, Kyiv, Ukraine, 448 p.
- Magochii, P.-R. (2013), “Design or deconstruction: what should the «future history of Ukraine» look like?”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 4, pp. 4–7.
- Maiboroda, O.M. (2013), “«National History» deserves to be more alive than dead”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 1, pp. 24–28.
- Megill, A. (2007), *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology], Kanon, Moscow, Russia, 480 p.
- Miller, A.I. (2012) “History of the concept of nation in Russia”, in *«Ponyatiya o Rossii»: K semantike imperiskogo perioda* [«Concepts of Russia»: On the semantics of the imperial period], NLO, Moscow, Russia, pp. 7–49.
- Mikhailchenko, S.I. (2001), “Grushevsky Mikhail Sergeevich (1866–1934)”, in *Istoriki Rossii. Biografii* [Historians of Russia. Biographies], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 411–418.
- Ostashko, T.S. (2004), “Dmytro Ivanovych Doroshenko (1882–1951)”, in *Entsyklopediya istorii Ukrayiny* [Encyclopedia of the History of Ukraine], Nauk. dumka, Kyiv, Ukraine, V. 2, pp. 456–455.
- Ploky, S.M. (2013), “What history does modern Ukraine need?”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 3, pp. 4–12.
- Ploky, S.M. (2011), *Velykiy peredil. Nezvychna istoriya Myhayla Grushevs'kogo* [Big redistribution. An unusual story by Mykhailo Hrushevsky], Krytyka, Kyiv, Ukraine, 599 p.
- Ploky, S.M. (2013), *Kozatskyy mif. Istoriya ta nasiotvorennya v epohu imperiy* [Cossack myth. History and nation-building in the era of empires], Laurus, Kyiv, Ukraine, 440 p.
- Potul'nyts'kyy, V.A. (2014), “Regarding research priorities for the creation of a new academic synthesis of Ukrainian history in the context of world history”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 1, pp. 4–20.
- Rüsen, J. (2010), *Novi shlyahy istorychnogo myslennya* [New ways of historical thinking], Litopys, Lviv, Ukraine, 2010, 358 p.
- Sarbey, V.G. (1990a), “M.M. Arkas and his History of Ukraine-Rus”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 7, pp. 100–113.
- Sarbey, V.G. (1990b), “Mykola Arkas and his History of Ukraine-Rus”, in Arkas, M.M., *Istoriya Ukrayiny-Rusi* [History of Ukraine-Rus], Vyshcha shkola, Kyiv, Ukraine, pp. 3–43.
- Smoliy, V.A. (2012), “Ukrainian narrative laboratory (keynote address by the chief scientific editor)”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 5, pp. 4–5.
- Tolochko, A.P. (2012), *Kievskaya Rus i Malorossiya v XIX veke* [Kievan Rus and Little Russia in the 19th century], Laurus, Kyiv, Ukraine, 256 p.
- Ul'yanovs'ka, S.V. & V.I. Ul'yanovs'kyy (1993), “Dmytro Doroshenko”, in *Ukrayinska kultura: lektsiyi za redaktsiyeyu Dmitra Antonovicha* [Ukrainian culture: lectures edited by Dmytro Antonovych], Lybid', Kyiv, Ukraine, pp. 527–553.
- Vermenych, Ya.V. (2013), “Local and regional levels of domestic narrative”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 5, pp. 4–23.
- Vidniyns'kyy, S.V. & A.Yu. Martynov (2013), “National stories in the meta-narratives of the globalization process: from European experience”, *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 6, pp. 4–17.
- Vidniyns'kyy, S.V. & A.Yu. Martynov (2019), “Ukraine and the world. Newest day”, in *Entsyklopediya istorii Ukrainy. Kn.2: Ukraina–ukraintsi*: [Encyclopedia of Ukrainian History, Book. 2: Ukraine–Ukrainians], Nauk. dumka, Kyiv, Ukraine, pp. 448–481.

- Yas', O.V. (2012), "Traditions of great historical narratives in the light of the cultural epochs of the late 18th – 20th centuries", *Ukrayins'kiy istorychnyy zhurnal*, № 5, pp. 6–38.
- Yakovenko, N.M. (2012), *Dzerkala identychnostey. Doslidzhennya z istoriyi uyavlen' ta idey v Ukrayini XVI – pochatku XVIII st.* [Mirrors of identities. Research on the history of ideas in Ukraine of the 16th – early 18th centuries], Krytyka, Kyiv, Ukraine, 472 p.
- Zhurba, O.I. (1993), *Kyyivs'ka arheografichna komisiya. 1843–1921* [Kyiv Archeographic Commission. 1843–1921], Nauk. dumka, Kyiv, Ukraine, 186 p.
- Zhurba, O.I. (2015), "'Historiographic expansion' as a tool for the formation of national historiography", *Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki*, 2015, № 4, pp. 140–146.
- Zhurba, O.I. (2011), "Problems of historiographic regionalization in presentations of the history of Ukrainian historiography", in *Istoricheskaya geografīya: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve* [Historical geography: human space vs person in space], RGGU, Moscow, Russia, pp. 59–70.
- Zhurba, O.I. (2013), "Regional historical writing of the second half of the 18th – first half of the 19th centuries in captivity of the «Ukrainian national revival» (problems of Ukrainian historical and historiographic culture)", in *Mir istorika* [The world of historian], Izdat. Omsk. gos. un-ta, Omsk, Russia, vyp. 8, pp. 124–165.